

Э. ХЕКСЕЛЬШНЕЙДЕР

Х. Ф. Д. ШУБАРТ И РОССИЯ

Учеными СССР и ГДР установлено, что последняя треть XVIII в. явилась важной эпохой немецко-русских литературных взаимоотношений. Опираясь на результаты существующих исследований, можно с полным правом заключить, что век Просвещения был значительным этапом в развитии плодотворного немецко-славянского взаимообмена в области литературы, науки и культуры.¹ Едва ли можно найти значительного немецкого ученого или деятеля искусства той эпохи, который так или иначе не откликался бы на происходящие в России события и не следил бы за внешне- и внутривосточным (включая культурное) развитием этой страны.

К ряду немецких просветителей, которые пытались в своих произведениях создать определенный образ России и сделать его доступным для широкой общественности, принадлежит и Христиан Фридрих Даниель Шубарт (1739—1791), демократический публицист и лирик, который своими бесстрашными выступлениями против абсолютизма за буржуазно-демократические свободы навсегда завоевал себе почетное место в немецкой национальной литературе. В имеющихся работах об отношении Шубарта к России исследуется прежде всего его отношение к стихотворениям Д. И. Фонвизина и его суждения о русской музыке и фольклоре;² краткую оценку суждений о России в его журнальных выступлениях можно найти у Р. Кегеля.³ Ниже будет сделана попытка определить точку зрения Шубарта на Россию более детально, чем это делалось до сих пор.

¹ Ziegengeist G. Deutschland als Zentrum der Vermittlung slawischer Literatur in Europa im ausgehenden 18. und frühen 19. Jahrhundert. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. XIII, 1968, H. 4, S. 467.

² Graßhoff H. Eine deutsche Parallele der Лисица-кознодей (Fonvizin und Schubart). — Zeitschrift für Slawistik, Bd. VII, 1962, H. 2, S. 167—174; Hexelschneider E. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967, S. 11 ffg.

³ Kegel R. Die nationalen und sozialen Werte in der Publizistik Christian Friedrich Daniel Schubarts unter besonderer Berücksichtigung seines Lebens und seiner Lebensumstände. Phil. Diss. Greifswald, 1959. S. 69 ffg.

Благодаря чему, собственно, пробудился огромный интерес к России в Германии? По нашему мнению, это объясняется прежде всего тремя основными причинами:

1. Во второй половине XVIII в. Россия превратилась в европейскую державу, внешнеполитические успехи которой оказывали сильное влияние на европейское развитие. Это проявилось как во время Семилетней войны, так и в вооруженных столкновениях с Турцией, при трех разделах Польши и в других случаях. Ни одного важного вопроса нельзя было решить без участия русского государства, и потому взоры постоянно обращались к восточным соседям.

2. Россия представлялась страной «неограниченных возможностей», страной, в которой поощрялось развитие науки и культуры и где при соответствующих усилиях можно было занять неплохое положение в условиях большей свободы и независимости от влиятельных лиц.

3. Наконец, многие просветители были одурачены демагогией Екатерины II, которая ввела в заблуждение всю Европу своей игрой в «просвещенную монархию», особенно благодаря либеральному на словах «Наказу». Екатерина II представлялась идеалом просвещенной правительницы, однако этот идеал (как будет показано ниже в отношении Шубарта) одновременно предлагался как образец для собственных князей и правителей. Хотя восстание Пугачева, привлекавшее в Германии большое внимание,⁴ несколько затемнило этот образ Екатерины, подлинное историческое значение Пугачева оставалось непонятым.

Эти причины явно обуславливают и обращение Шубарта к России. В отличие от таких просветителей, как А. Л. Шлёцер, Г. Форстер и Й. Г. Зейме, Шубарт, ни разу за всю жизнь не покидавший Южной Германии, не располагал личными впечатлениями о России. Как он упоминает в 1774 г., у него были «очень красивые виды Петербурга и Вены»,⁵ но пока не найдено никаких подтверждающих это архивных документов. Факты для своей обширной корреспонденции о событиях в России он черпал, по-видимому, из письменных свидетельств других лиц, так как о встречах Шубарта с русскими ничего не известно.

Тщательный просмотр журналов, которые он издавал в 1774—1777 и 1787—1790 гг. (после десятилетнего заключения в крепости), показывает, однако, что Шубарт очень хорошо ориентировался в доступной ему современной литературе о России. Так, он знал статью Я. Штелина о русской музыке и «Заметки о России» Й. Й. Беллерманна (1788), ссылаясь на опубликован-

⁴ См.: Hoffmann P., Schützler H. Der Pugačev-Aufstand in zeitgenössischen deutschen Berichten. — In: Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1962, Bd. VI, S. 337 ff.

⁵ C. F. D. Schubart's, des Patrioten, gesammelte Schriften und Schicksale. Stuttgart, 1839, Bd. I, S. 208.

ные в немецких журналах статьи о русском военном деле, о русском национальном характере и о Суворове. Ему были также известны беллетристические произведения Екатерины II. Он внимательно следил за переводом на русский язык произведений высоко почитаемого им Ф. Г. Клопштока. Так, 22 мая 1789 г. он отмечает в «Отечественной хронике» («Vaterlandschronik») точное русское заглавие «Мессиады», переведенной А. М. Кутузовым и появившейся в 1785—1787 гг. Но основным его источником являются газеты, из которых он получает сведения о внутри- и внешнеполитической деятельности России. В его корреспонденции в связи с этим часто вкрадываются ошибки, — и в литературе уже давно установлено, что «Немецкая хроника» («Deutsche Chronik») Шубарта не является достоверным источником для исторического исследования. Вместе с тем в качестве документа времени, в котором события расценивались с «патриотической точки зрения» («von der Warte patriotischen Denkens her»), она незаменима.⁶ Информация о России, неизбежно поступающая с опозданием, в концепции Шубарта упорядочивалась и получала определенную оценку. Так, его корреспонденции о русско-турецкой войне или об угрозе столкновений между европейскими державами литературно обработаны, в них использованы такие средства, как сценический диалог, видение, информация с комментарием и т. д.

Показательны в этом отношении его стихи на русские темы, которые он писал по поводу военных успехов русской армии. В 1774 г. он опубликовал сочиненную уже в 1769 или 1770 г. песнь («Schlachtgesang eines Russischen Grenadiers nach der Schlacht bei Chozim») на взятие крепости Хотин,⁷ которую он, возможно, исполнял также в качестве «русской военной песни» на званом вечере.⁸ Повод написать стихи на аналогичную тему представился Шубарту только в 1789 г., когда он опубликовал стихотворение «Otschakof (ein Russisches Siegeslied)».⁹ Если в Хотинской песни он пытался воспроизвести наивную гордость победой простого солдата, которому еще раз довелось пережить битву с турками, то стихотворение на взятие Очакова в 1788 г., изображающее народное ликование по поводу победы, представляет собой патетически-приподнятое поэтическое обобщение всех ранее сообщавшихся известий (частично с теми же самыми выражениями). По другим поводам Шубарт также пишет стихи на русские темы: например панегирик Потемкину¹⁰ или наиболее показательные для этого вида поэзии стихи о Суворове, ко-

⁶ Sturm und Drang. Erläuterungen zur deutschen Literatur. Berlin, 1961, S. 428.

⁷ Deutsche Chronik. Augsburg, 1774, S. 57—60.

⁸ C. F. D. Schubart's, des Patrioten, gesammelte Schriften und Schicksale. Bd. I, S. 151.

⁹ Vaterlandschronik. Stuttgart, 1789, S. 40.

¹⁰ Ibid., S. 767.

торые нужно привести здесь как образец шубартовской «русской национальной песни»:

Auch Suwarow lebe,
Das taupfere Herz!
Es leben die Reussen!
Die Männer von Eisen!
Die Hügel von Erz! ¹¹

Представления Шубарта о России определялись в основном успехами русской армии. Поэтому в его «Хронике» преобладают сообщения о русской внешней политике. Из внутривойсковых событий он дает информацию преимущественно о Пугачевском восстании, которое — как всякое движение за освобождение народа — его особенно волновало. Пугачев для Шубарта — «мужественный мятежник» («mutiger Rebelle») («Немецкая хроника» от 10 ноября 1774 г.), гений с безошибочным чувством воинского порядка и дисциплины, которому он не отказывает в глубоком уважении. Шубарт был глубоко потрясен казнью Пугачева, как видно из ее описания в «Немецкой хронике» от 2 марта 1775 г., резко контрастирующего с описанием заключительного триумфального шествия Румянцева. Однако сравнение с очень популярными в XVIII в. ворами Картушем и Кезебиром (Käsebier) обесценивает эти суждения и показывает, что Шубарт — подобно Зейме и другим современникам — не понял истинного характера Пугачевского восстания. Это связано, несомненно, не только с недостаточным поступлением информации. Свою ненависть ко всякому, в том числе и русскому, крепостному праву он выразил, например, в корреспонденции от 6 августа 1790 г.: «До каких же пор людей будут продавать и дарить, как скот?». ¹² Бичевал он также методы подавления царизмом любого народного движения, когда в народе разгоралось «пламя восстания» и царь усердно применял обычное русское «домашнее средство» — «деспотический кнут». ¹³ Несмотря на эти радикальные высказывания, которые ставят Шубарта рядом с Зейме и Г. Меркелем, он, по-видимому, считал все же, что Россия останется неизменной «под ударами революции, мятежей и бунтов». На отношение Шубарта к Пугачеву насаивалось его представление о России как о европейской великой державе, «деятельнейшем государстве на божьей земле». ¹⁴

¹¹

Да здравствует Суворов,
Неустршимое сердце!
Да здравствуют Россы!
Люди из железа!
Холмы из бронзы!

Ibid., S. 561—562 («Foksan, ein Oestreichisches Siegeslied»). О несостоявшемся собрании «русских национальных песен» см.: H e x e l s c h n e i d e r E. Die russische Volksdichtung. ., S. 12.

¹² Vaterlandschronic, 1790, S. 536.

¹³ Ibid., S. 450.

¹⁴ Ibid., 1789, S. 121.

Он снова и снова перечисляет, находясь под сильным впечатлением русских побед над турками и шведами и успехов русской дипломатии, факторы, которые, по его мнению, делают Россию непобедимой. На первое место он ставит неустрашимость солдат, которых он часто называет «железными русскими», «первыми и активнейшими воинами в мире в настоящее время».¹⁵ Он восхваляет их непримирчивость, хотя и понимает, что она связана с их бедностью. Он очень хвалит русских военачальников, прежде всего Потемкина, Румянцева и Суворова. Правда, Шубарт переоценивает значение Потемкина и недооценивает Румянцева. Однако при характеристике Потемкина у него звучат и критические ноты, когда, имея в виду его дорогостоящий двор и его властолюбие, Шубарт называет его «восточным деспотом». Суворов, этот «старый железный воин»,¹⁶ неоднократно удостоивается очень теплой оценки, причем говорится о его популярности у простых солдат. В оценке русских солдат и их военачальников имеются значительные совпадения с оценками Зейме.¹⁷

Другими важными факторами непобедимости России Шубарт считает географическое положение и большое количество населения, а также величину страны, но в связи с этим он задает вопрос, далеко ли пойдет экспансионистский натиск царистской системы. Особенно в 1790 г. Шубарт укрепляется во мнении, что царизм стремится к господству в Европе. Растущая сила России начинает его пугать, но одновременно он проникнут страстным желанием мира: он устал от непрекращающейся борьбы государств за власть.

Поэтому он возлагает все надежды на Екатерину II, которая в его представлении — совершенно в духе просветителей — предстает в самом лучшем свете: «Она является светлейшим солнцем на политическом Олимпе».¹⁸ У него проскальзывает также и критический отзыв о ее политике, который, однако, смягчается к концу фразы: «Она с неограниченным деспотизмом властвует над миллионами подданных, не для того, чтобы их угнетать, а чтобы делать их человечнее и мягче».¹⁹ Шубарт идеализировал русскую царицу, как идеализировал прусского короля Фридриха II, чтобы противопоставить их вюртембергской действительности, жестокому князю своей страны, который десять лет продержал его в заключении.

У. Вертхайм и Х. Бем с полным основанием пишут: «Портреты „хороших князей“ являются у Шубарта и как идеал, и как требование».²⁰

¹⁵ Ibid., S. 149.

¹⁶ Ibid., S. 806.

¹⁷ Cp.: Störel H. Johann Gottfried Seume und Rußland, Phil. Diss. Leipzig, 1971, S. 110 ffg.

¹⁸ Vaterlandschronik. 1789, S. 696.

¹⁹ Ibid., 1790, S. 862.

²⁰ Schubarts Werke in einem Band. Herausgeber: V. Wertheim und H. Böhm. Weimar, 1959, S. [15].

Подводя итоги, можно заключить: представление Шубарта о России взято из вторых рук. Его публицистика, очень популярная в широких читательских кругах, служила распространению познаний о России, особенно подчеркивая историческое величие России и неустрашимость ее солдат. Несмотря на иллюзии в оценке политики Екатерины II (которые, кроме всего прочего, объясняются совершенно недостаточным знанием ее внутривластной практики), Шубарт не отказывается от критических замечаний о крепостном праве и деспотическом произволе царицы и ее сатрапов. Таким образом, и в своих замечаниях о России поэт и публицист остается верен своему свободолюбию и своей борьбе против произвола правителей. Поэтому в еще не написанной истории немецко-русских взаимоотношений Шубарту следует отвести почетное место.

(Перевод Н. И. Серман)